Вольтер

Автор, или творец

Вольтер
Автор, или творец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23129833

Аннотация

«Автор, или творец – имя общее, которое, подобно названию всякого другого ремесла, может означать и хорошее, и худое, и почтенное, и смешное, и полезное, и вредное, и самое приятное, и самое отвратительное…»

Содержание

Вольтер
Автор, или творец

Автор, или творец – имя общее, которое, подобно названию всякого другого ремесла, может означать и хорошее, и худое, и почтенное, и смешное, и полезное, и вредное, и самое приятное, и самое отвратительное.

Сие имя так свойственно разным вещам, что можно правильно говорить: Творец Природы, творец народных песен, творец Парнасской мошки[1].

Мы думаем, что Автору хорошего Сочинения нужно беречься трех вещей: заглавия, предписания и предисловия. Прочим надобно остерегаться – писать.

Касательно титула: если Автор непременно желает выставить свое имя, что весьма часто бывает сопряжено с опасностью, то, по крайней мере, должен он сохранить при том возможную скромность; для всякого странно будет видеть благочестивую книгу, которая заключает в себе правила смирения, сочиненную Гм. N. N., Членом Королевского Совета, Графом и Епископом такого-то города. Читатель, который всегда насмешлив и не редко скучает, находит удовольствие посмеяться над книгой, обремененною таким великолепным заглавием; тогда всякому придет на память, что творец Подражания Иисусу Христу не поставил в заглавии сей книги

---

[1] Журнал.

своего имени.

Но Апостолы, скажете вы, не скрыли своих имен; напротив, они были очень скромны. Апостол Матфей никогда не называл своего сочинения Евангелием Святого Матфея. Это почтенное название дано ему после. Сам Св. Лука, посвящающий свою книгу Феофилу, не называет ее Евангелием Луки.

Но что бы ни делалось в прошедшие века, в нынешнее время я почитаю великою отважностью ставить имя свое и свой титул в заглавии сочинения. Епископы, вероятно, не оставят своего обыкновения; но мы будем говорить здесь об одних авторах, светских. Герцог Ларошфуко не назвал своих Мыслей сочинением Герцога Ларошфуко, Пера Франции и проч.

Конечно, весьма многим не понравится, если собрание небольших сочинений, в котором попадаются иногда хорошие отрывки, будет названо изданием такого-то, прежде бывшего Профессора в университете N, Доктора Философии, Ректора, Учителя детей Герцога… Члена одной Академии, а иногда и двух. Такие почетные титулы не делают книгу лучшей. Всякий желал бы, чтобы сочинение было короче, глубокомысленнее и менее наполнено старинными сказками; о титулах и пышных названиях никто не заботится.

Часто сочинение бывало приписываемо корыстолюбивою подлостью малодушному тщеславию:

De la vient cet amas d'ouvrages mercenaires,
Stances, Odes, Sonnets, Epitres liminaires,
Où toujours le héros passe pour fins pareil,
Et fut il louche et borgne, eft réputé foleil.

Кто поверит, чтобы Рого, называющий себя Физиком, в посвящении своем Герцогу Гизу сказал, что его предки кровью своею защищали политические истины, законы Государства и права Королевские? Герцог Гиз[2] и Герцог Маиень удивились бы, ежели б кто-нибудь им прочел эту Эпистолу. Что бы сказал Генрих IV?

Известно, что большая часть посвящений в Англии делаются за деньги, подобно как у нас капуцины подают нам салат с условием, чтоб им дали на вино.

Нынешним Французским писателям неизвестно такое постыдное унижение, они сделались благороднее в мыслях, выключая некоторых бедняков, которые называют себя писателями по такому же праву, по какому стенные маляры хвастаются тем, что они имеют одно мастерство с Рафаелем, и по какому кучер Вертамонов называл себя стихотворцем.

Предисловие есть другим камнем претыкания. «Слово я – несносно, – сказал Паскаль. Говори о себе сколько можно менее; ты должен знать, что самолюбие в читателе столько же сильно, как и твое; он никогда тебе не простит, ежели ты будешь нахально требовать от него почтения. Твоя книга

---

[2] Le balafré.

должна сама за себя говорить, если, однако, ее читать будут».

Знаменитые одобрения, которых удостоилась моя пьеса, могли бы отвечать вместо меня моим неприятелям. Рукоплескания публики… Вычеркни все это, поверь мне; ты не получил знаменитых одобрений, твоя пьеса навсегда забыта.

Некоторые Рецензенты думают, что в третьем действии, слишком много приключений, и что Принцесса открывает очень поздно в четвертом действии нежные чувства, которыми сердце ее пылает; я отвечаю на это, что… Не отвечай ничего, друг мой, ибо никто не говорил и не станет говорить о твоей Принцессе, твоя пьеса упала; она скучна и написана глупыми и грубыми стихами; твое предисловие есть панихида за упокой души, но покойный от нее не воскреснет.

Другие ссылаются на всю Европу, что не поняли Системы их различий: между последователями Македониевыми и Валентиновыми – я поверю, что не поняли, потому что не читали.

Мы задавлены кучею таких глупостей – и новыми романами, списанными со старинных сказок, и новыми системами, основанными на старых бреднях.

Ты хочешь быть Автором, ты желаешь сочинить книгу? Подумай, что содержание ее должно быть ново и полезно или, по крайней мере, очень приятно.

Как из глуши твоей провинции ты убьешь меня книгою в 4-ю долю листа; ты мне скажешь, что Государь должен быть правосуден, что Траян был добродетельнее Калигулы! Ты на-

печатаешь свои проповеди, которые усыпили твой неизвестный городок! ты ограбишь все наши Истории для описания жизни Принца, о котором ничего не скажешь нового!

Если ты написал Историю своего времени; то не сомневайся, чтобы какой-нибудь хронолог или газетчик не нашел в ней ошибок: во времени, в названии, в эскадроне, невыгодно поставленном тобою в трехстах шагах от места, где он в самом деле находился; тогда поправь свои ошибки.

Ежели невежа или мелкой журналист критикуют тебя несправедливо – изобличи их; однако остерегайся говорить о них часто, чтобы не замарать их именами своего сочинения.

Ежели критикуют твой слог, не отвечай никогда; твое сочинение за тебя должно ответствовать.

Пусть кто-нибудь скажет, что ты болен; наслаждайся своим здоровьем, а не доказывай публике, что ты находишься в добром здоровье, и помни всегда, что публике ни мало нет нужды заботиться, здоров ли ты или нет.

Сотни авторов грабят чужие сочинения для куска хлеба, а десятки журналистов делают из них извлечения, пишут критики, апологии, сатиры на эти жалкие бредни, имея также в виду достать себе пропитание, потому что они сидят без дела. Все эти люди ходят по пятницам к Парижскому полицмейстеру просить позволения продавать микстуры свои: их выслушивают тотчас после красавиц, торгующих своими прелестями, которые не удостаивают их и взгляда, зная, что тут нечем поживиться.

Они возвращаются со словесным позволением продавать во всем королевстве свои историйки, собрания каламбуров, жизнь С. Региса, перевод Немецкой поэмы, новые открытия о сельдях, новое собрание старых стихов, систему объясняющую происхождение, колоколов, любовные приключения жабы и пр. Книгопродавец покупает их произведения за 20 копеек. Они дают 10 из них издателю листков с уговором, чтоб он их похвалил. Издатель берет деньги, и очень дурно отзывается об их безделках. Обиженные идут с жалобою к жиду, который посещает жену издателя: дерутся на кулачках у аптекаря Лелиевра, и наконец, издателя листков запирают в Фор-Левек. И эти люди называются авторами!

Несчастье этих людей происходит от того, что отцы не научили их ни какому ремеслу. Большая оплошность Полиции! Человек из низкого звания, который, будучи в состоянии научить сына своего полезному искусству, того не исполнит, заслуживает наказание. Сын золотых дел мастера делается иезуитом в 17 лет; его выгоняют из этого общества в 24 года, потому что испорченные нравы его слишком сделались известны: он, не имея пропитания, делается издателем листков, обогащает своими бреднями низкую литературу, и возбуждает к себе презрение в самых презренных людях. И эти люди называют себя авторами!

Истинные Авторы те, которые отличились в истинном роде литературы, н. п. в Эпопеи, в Трагедии, в Комедии, в Истории, или, наконец, в Философии; которые научали и вос-

хищали людей. Прочие, о которых сказано выше, между писателями то же, что шмели между птицами.

Авторы, больше всех писавшие во Франции, были Генеральные Контролеры финансов. Можно составить десять толстых томов из их объявлений, начиная только с царствования Людовика XIV. Парламенты писали иногда критики на сии сочинения, находили в них ошибочные предложения, противоречия; но где хорошие Авторы, которые не были критикованы?

Мы окончим сию статью отрывком из Лабрюйера. Писатели и все презирающие труды их никогда не должны терять его из виду: «Если бы мысли, книги и авторы зависели от богачей и от любимцев фортуны – какой верх взяли бы последние над учеными! С какою надменностью они обходились бы с сими бедными людьми, которых достоинства не обогатили и не возвысили, и которые только что хорошо пишут и мыслят! – Надо признаться, настоящее для богатых, а будущее для добродетельных и для умных, Гомер и теперь существует, и вечно будет существовать; а сборщики податей, важные чиновники, уже забыты. Были ли они? Известно ли отечество их и имя? Были ли в Греции откупщики? Где важные особы, которые презирали Гомера, которые убегали от него, которые ему не кланялись, не хотели его допускать к своему столу, которые, наконец, смотрели на него как на бедняка и сочинителя? Куда денутся Фоконеты[3]? Достигнут ли они

[3] Так назывались, во время Лабрюйера, некоторые богатые откупщики.

до потомства, подобно Декарту, родившемуся во Франции и умершему в Швеции?»